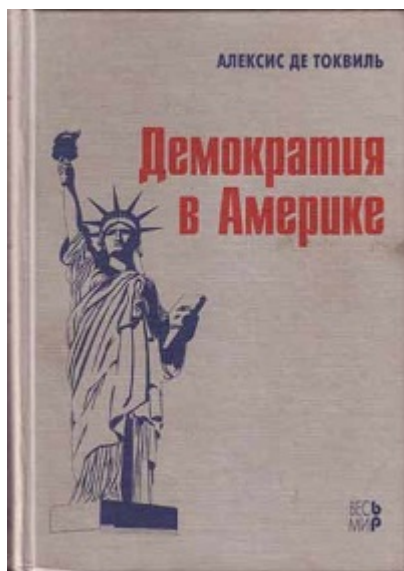

Алексис де Токвиль. Демократия в Америке

Книга французского государственного деятеля, историка и литератора Алексиса де Токвиля (1805–1859) представляет собой весьма сложный сплав путевых заметок, исследования, документа, философского эссе и публицистики. Автор всесторонне анализирует объективные условия существования, государственно-политическое устройство и духовную жизнь Соединенных Штатов Америки, превращавшихся буквально на глазах поколения Токвиля из «окраины цивилизации», из полуполюгендарного Нового Света в реальный фактор европейской и мировой политики. Работа часто цитируется, первая книга впервые опубликована в 1835 г., вторая – в 1840 г. Публикуется конспект только первой книги.

Алексис де Токвиль. Демократия в Америке – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – 560 с.

На период публикации заметки книга в бумаге не доступна.

Введение

Во время пребывания в Соединенных Штатах, сильнее всего я был поражен равенством условий существования людей. Равенство создает мнения, порождает определенные чувства, внушает обычаи, модифицируя все то, что не вызывается им непосредственно.

Франция семьсот лет тому назад была поделена между небольшим числом семейств, владевших землей и управлявших населением. Право властвовать в то время передавалось от поколения к поколению вместе с наследственным имуществом. По мере того как открываются новые пути, ведущие к власти, происхождение человека теряет свое значение. В XI веке знатность считалась бесценным даром. В XIII веке ее уже можно было купить.

Любые изобретения в области ремесел и любые усовершенствования в торговле и промышленности не могли одновременно не порождать новых факторов, способствовавших упрочению равенства людей. С тех пор как работа интеллекта превратилась в источник силы и богатства, все развитие науки, все новые знания, всякую новую идею можно рассматривать в качестве зародыша будущего могущества, вполне доступного для народа. Поэтическая одаренность, красноречие, цепкость памяти, светлый ум, огонь воображения, глубина мысли — все эти дары, розданные небесами наугад, приносили пользу демократии.

Благоразумно ли считать, что столь далеко зашедший социальный процесс может быть приостановлен усилиями одного поколения? Неужели кто-то полагает, что, уничтожив феодальную систему и победив королей, демократия отступит перед буржуазией и богачами? Остановится ли она теперь, когда она стала столь могучей, а ее противники столь слабы?

Царства свободы нельзя достичь без господства нравственности, так же как нельзя сделать нравственным общество, лишённое веры.

Я исследовал Америку не только для того, чтобы удовлетворить свое вполне законное любопытство, но и хотел извлечь из этого те полезные уроки, которые могли бы нам пригодиться во Франции.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава II. Происхождение англо-американцев и как оно сказалось на их будущем

Происхождение всегда накладывает отпечаток на народы. Обстоятельства, в которых рождаются нации и которые служат их становлению, оказывают воздействие на все их будущее развитие. Америка оказалась единственной страной, где стало возможным наблюдать естественное и спокойное развитие общества и где удалось точно определить то влияние, которое оказал начальный период его становления на будущее штатов.

Все новые европейские колонии если и не являли собой пример развитой демократии, то имели по крайней мере ее зачатки. У основной массы эмигрантов, покидавших свою родину, полностью отсутствовало чувство какого-либо превосходства над другими.

Воздействие рабства в сочетании с английским характером является объяснением нравов и социального устройства Юга. Что же касается Севера, то здесь на той же исходной английской основе проявилось нечто совершенно противоположное. Именно в северных английских колониях, более известных как штаты Новой Англии, сформировались те два или три основных принципа, на которых сегодня основывается теория общественного развития Соединенных Штатов (см. также [Айзек Азимов. История США: Освоение Северной Америки](#)).

Поселенцам Новой Англии были свойственны порядок и высокая нравственность. Отнюдь не крайняя экономическая необходимость заставила их покинуть родину; они стремились добиться торжества некой идеи. Эмигранты, или, как они сами вполне заслуженно называли себя, пилигримы, принадлежали к той секте в Англии, которая за строгость своих нравственных принципов была названа пуританской. На родной земле пуритан преследовало правительство, их строгим нравам претила повседневная жизнь того общества, в котором они жили, и пуритане стали искать для себя такую дику отдаленную землю, где можно было бы жить сообразно собственным принципам и свободно молиться Богу.

Население Новой Англии быстро увеличивалось, и в то время, когда сословная иерархия в метрополии все еще деспотически размежевывала людей, колония все больше и больше являла собой однородное во всех отношениях общество. Демократия, о которой античный мир не осмеливался даже мечтать, вырвалась из недр старого феодального общества во всем величии и во всеоружии.

Английские колонии — и это было одной из главных причин их процветания — всегда пользовались большей внутренней свободой и большей политической независимостью, нежели колонии других стран.

Богохульство, колдовство, прелюбодеяние, изнасилование карались смертью, равно как и оскорбление, нанесенное сыном своим родителям. Составляя данный свод уголовных законов, законодатели были озабочены прежде всего необходимостью поддержания нравственности и добропорядочности в обществе.

Общие принципы построения современных конституций, которые большинство европейцев XVII века понимало с трудом и которые лишь частично восторжествовали в тот период в Великобритании, были полностью признаны в Новой Англии и закреплены ее законами: участие народа в общественных делах, свободное голосование по вопросу о налогах, ответственность представителей власти перед народом, личная свобода и суд присяжных — все это было воспринято единодушно и реально введено в жизнь в Новой Англии.

Причины некоторых особенностей англо-американских законов и обычаев. Гражданское и уголовное законодательства американцев признают всего лишь две меры пресечения: тюремное заключение или внесение залога. Согласно процедуре, ответчику вначале предлагается внести залог, если же он отказывается это сделать, то подлжет тюремному заключению. После этого рассматриваются обоснованность и тяжесть выдвинутого обвинения. Совершенно очевидно, что подобное законодательство направлено прежде всего против бедняка и благоприятно для богача.

Бедняк далеко не всегда может найти необходимую для залога сумму, даже если речь идет о гражданском деле; кроме того, если он должен дожидаться судебного решения в тюрьме, то вынужденное бездействие вскоре в любом случае приведет его к нищете. Богачу же, напротив, в

гражданских делах всегда удастся избежать заключения. Более того, если он и совершил правонарушение, то легко может избежать грозящего ему наказания: после того как он представил залог, он без труда исчезает. Таким образом, можно утверждать, что для него все наказания, определяемые законом, сводятся всего лишь к простому денежному взысканию, то есть обычному штрафу. Ничто не несет на себе большей печати аристократического духа, нежели подобное законодательство!

Глава III. Общественный строй англо-американцев

В большинстве штатов, расположенных на юго-западе от Гудзона (на рис. 1 ниже Нью-Йорка), поселились богатые землевладельцы. Они принесли с собой аристократические принципы и вместе с ними — английские законы о наследовании. Землевладельцы представляли собой высшее сословие, которому были свойственны особые убеждения и пристрастия и которое становилось в центре политической жизни общества.

Рис. 1. [Тринадцать североамериканских колоний](#), 1750: 1 – территория Массачусетса, 2 – Нью-Гэмпшир, 3 – Массачусетс, 4 – Коннектикут, 5 – Мэриленд

Последним шагом к равенству стал закон о наследовании. В тех случаях, когда закон о наследовании требует равного раздела имущества отца между детьми, смерть каждого владельца влечет за собой коренные изменения в собственности: имущество не просто меняет владельца, но меняет, так сказать, и свою природу, ибо оно непрерывно дробится на все более и более мелкие части. У тех народов, у которых закон о наследовании исходит из права первородства, земельные владения наиболее часто переходят от поколения к поколению, не подвергаясь дроблению. Таким образом, владение землей порождает фамильный дух.

Закон о наследовании, устанавливающий равный раздел имущества, уничтожает ту тесную связь, которая существовала между принадлежностью к конкретному роду и сохранностью земельного владения; земля перестает олицетворять собою семью, род. Как только вы лишите землевладельцев

их громадной заинтересованности в сохранении земли, можно быть совершенно уверенными в том, что рано или поздно они продадут свои владения; их будет толкать к продаже земли немалая финансовая заинтересованность, так как движимое имущество обеспечивает своему владельцу большие проценты, нежели любое другое, и тем самым в большей степени способствует удовлетворению повседневных потребностей и желаний человека.

Однако в Америке люди имеют не только одинаковые состояния; они до известной степени равны и в своем интеллектуальном развитии. Я не думаю, что где-либо в мире существуют государства, где пропорционально численности населения встречалось бы столь мало полных невежд и столь же мало ученых, как на Североамериканском континенте. Начальное образование в этой стране доступно всем и каждому. Высшее образование не доступно практически никому. В Америке вообще нет такого слоя людей, которые могли бы вместе с состоянием и возможностью иметь свободное время передать в наследство потомкам свою любовь к знаниям и которые почитали бы за честь заниматься умственным трудом.

Глава IV. О принципе народовластия в Америке

В Америке, в отличие от других стран, принцип народовластия претворяется в жизнь открыто и плодотворно. Он признается обычаями страны, провозглашается в ее законах, он свободно эволюционирует и беспрепятственно достигает своих конечных целей. В Соединенных Штатах общество действует вполне самостоятельно, управляя собой само. Народ участвует в составлении законов, выбирая законодателей; участвует он и в претворении этих законов в жизнь — путем избрания представителей исполнительной власти. Можно сказать, что народ сам управляет страной, ибо права, предоставленные правительству, весьма незначительны и ограничены.

Глава V. Необходимость изучить происходящее в отдельных штатах, прежде чем перейти к описанию управления всем союзом

Устройство Соединенных Штатов чрезвычайно сложное; одновременно существует два различных общества, которые, если можно так выразиться, втиснуты одно в другое. И мы видим здесь два правительства, полностью отделенных друг от друга и практически независимых: одно из них носит самый обычный характер, оно имеет весьма широкие функции и обеспечивает удовлетворение потребностей общества; тогда как другое — особое, сфера его деятельности ограничена и охватывает лишь самые общие интересы всей страны. Одним словом, это двадцать четыре небольших суверенных штата, составляющих один большой Союз.

Политическая и административная жизнь штатов сосредоточена в трех основных центрах деятельности. На первом уровне находится община, далее — округ и, наконец, — штат. Ни один из народов Европейского континента не знает, что такое независимость общины. В Новой Англии не существует муниципального совета; корпус избирателей после назначения должностных лиц общины сам направляет их деятельность. Сейчас общины Новой Англии находятся в подчиненном положении, однако вначале они не подчинялись никому или же если и подчинялись, то весьма незначительно. Таким образом, они не получили власть извне; наоборот, они сами как бы уступили часть своей независимости штату.

Община только тогда подчиняется штату, когда речь идет о таком интересе, который я бы назвал общественным, то есть когда дело касается не только ее самой, но также и других общин. Во всем же, что относится непосредственно к самой общине, она по-прежнему остается независимой единицей, и среди жителей Новой Англии вряд ли найдется хотя бы один человек, который признавал бы за правительством штата право вмешиваться в управление сугубо общинными делами. Общины Новой Англии занимаются куплей и продажей собственности, предъявляют иски и защищаются в судах, увеличивают или же уменьшают размеры своего бюджета, и никакая другая административная власть даже и не помыслит этому препятствовать.

Во Франции центральное правительство отправляет своих чиновников в общину, тогда как в Америке община использует своих чиновников в общегосударственных целях.

Община имела слишком ограниченные размеры для того, чтобы здесь можно было отправлять правосудие. Как следствие, округ становится первым судебным центром. Каждый округ имеет свой суд, шерифа, обеспечивающего выполнение судебных решений, а также тюрьму.

У нации есть два способа ослабить силу власти. Первый способ состоит в ослаблении власти в самих ее основах, причем в этом случае общество подчас лишается права и возможности защищать самое себя: подобное ослабление власти и есть то, что в Европе обычно называется установлением свободы. Существует также и второй способ уменьшить роль власти в обществе: он заключается в том, чтобы рассредоточить эту власть, передав ее в разные руки, увеличить число должностных лиц, признавая за каждым из них всю полноту власти, необходимую для выполнения порученных ему обязанностей. Следует сказать, что в результате такого разделения сила власти становится менее непреодолимой и не столь опасной, но при этом власть вовсе не разрушается.

Во французской общине, строго говоря, есть только один административный чиновник — сам мэр. В общине Новой Англии их насчитывается по крайней мере девятнадцать человек. Эти девятнадцать должностных лиц в большинстве случаев совершенно не зависят друг от друга. Закон точно определил круг обязанностей каждого из них. При исполнении своих обязанностей они всемогущи и не подчиняются никакой другой власти в общине.

В штатах Новой Англии законодательная власть распространяется на более широкий круг вопросов, нежели у нас. Законодатель проникает, так сказать, в самую сердцевину управления обществом, определяя все до самых мельчайших подробностей; закон одновременно устанавливает, как основные положения, так и средства их воплощения в жизнь; тем самым закон штата строго и четко выявляет те многочисленные обязанности, которые ложатся на нижестоящие органы власти и их чиновников.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что выборная власть, которая не подчиняется судебным органам, рано или поздно ускользнет от всякого контроля. Между центральной властью и выборными административными органами единственным посредником могут служить судьи. Только они в состоянии заставить выборного чиновника повиноваться, не нарушая при этом прав избирателей. Таким образом, распространение судебной власти на мир политики должно находиться в прямой связи с расширением выборности органов власти. Если же эти два элемента не существуют одновременно, то государство приходит в конце концов либо к анархии, либо к рабству.

В результате существующей системы, толкающей людей на крайности, американцы вынуждены заинтересовывать доносителей, предлагая им в отдельных случаях часть взимаемых штрафов. Этот способ весьма опасен: исполнение закона сопровождается моральным разложением людей.

По мере продвижения к югу общинная жизнь становится заметно менее активной. Эти различия становятся заметными в штате Нью-Йорк и уже совсем резко проявляются в штате Пенсильвания. По мере удаления от штатов Новой Англии та роль, которую играла община, до некоторой степени переходит к округу.

Поскольку должностные лица повсюду являются выборными или как минимум несменяемыми, в Соединенных Штатах нигде не могла возникнуть иерархическая структура власти. В этой стране существует почти столько же независимых чиновников, сколько и должностей. Исполнительная власть оказалась рассредоточена среди множества людей. Законодательная власть штата вверена двум палатам; первая из них называется сенатом. Сенат — это прежде всего законодательный орган, хотя изредка он выполняет функции исполнительной или судебной власти. Палата представителей никакой исполнительной деятельностью не занимается, а в правосудии принимает участие, лишь обвиняя перед сенатом государственных чиновников.

Сенаторы обыкновенно выбираются на более длительный срок, нежели члены палаты представителей. Положительными результатами создания в современных Соединенных Штатах двухпалатной структуры явились разделение законодательной власти с тем, чтобы сдерживать деятельность политических органов. Можно считать, что разделение законодательной деятельности между несколькими органами является доказанной необходимостью. Данная теория, практически неизвестная античным республикам, в наше время принята в качестве аксиомы политическими науками.

Губернатор является представителем исполнительной власти штата. Круг его прав в сфере исполнения ограничен определенными рамками. Губернатор как высшее должностное лицо поставлен рядом с законодательным собранием для того, чтобы сдерживать законодательную власть и выступать в роли советчика. Он обладает правом «отлагательного вето». Губернатор

сосредоточивает в своих руках всю военную мощь штата. Он является командующим милицией штата и главой вооруженных сил. Губернатор — выборное должностное лицо. Обычно он избирается на один или два года и таким образом остается в постоянной и прочной зависимости от избравшего его большинства.

Существует два совершенно различных типа централизации. Есть определенные интересы, общие для всех слоев общества, такие, как, например, установление общих законов и взаимоотношения с иностранцами. Есть также интересы, присущие каким-то отдельным слоям общества, как, например, те или иные действия и начинания общины. Правительственная централизация, по моему мнению — это сосредоточение власти в едином центре или в одних руках для защиты первой группы интересов. Под административной централизацией я подразумеваю подобную же концентрацию власти с целью защиты второй группы интересов.

Я не могу даже представить, чтобы нация смогла существовать и в особенности достигнуть процветания без сильной централизации правительственной власти. Вместе с тем я считаю, что централизация административной власти способна лишь раздражать людей, которые этой власти подчиняются, потому что она постоянно стремится ослабить у них общинный дух.

Американские республики не имеют постоянных вооруженных сил, чтобы усмирять недовольные меньшинства, но, поскольку эти меньшинства до сих пор еще ни разу не вступали в открытую борьбу, необходимость в постоянной армии пока и не возникала.

Я совершенно убежден, что объединенная сила граждан в рамках общины всегда окажется более способной обеспечить общественное благосостояние народа, нежели правительственная власть.

Глава VI. Судебная власть в Соединенных Штатах и ее влияние на политическое устройство общества

Три отличительных свойства судебной власти: она служит арбитром в спорных случаях, она выносит свое решение по конкретным делам, но не по общим положениям, она может действовать лишь в том случае, когда к ней обратятся. Американский судья ничем не отличается от судей в других странах. Вместе с тем он облечен огромной политической властью. Причина этого заключается в единственном факте: американцы признали за своими судьями право обосновывать свои решения, исходя в первую очередь из конституции, а потом уже из законов.

Глава VIII. О федеральной конституции

Правительствам штатов были предоставлены все общие права, тогда как федеральное правительство оставило за собой лишь чрезвычайные. Был учрежден федеральный Верховный суд, одной из прерогатив которого было поддержание того разделения власти между двумя соперничающими правительствами, которое было изначально установлено самой конституцией. Союзу было предоставлено исключительное право заключать мир и объявлять войну, заключать торговые соглашения, формировать армию, создавать и содержать военно-морской флот, взимать налоги, чеканить монету, создавать почтовые службы, прокладывая основные пути сообщения, связующие воедино различные части национальной территории.

Полностью признавая за каждой из входящих в федерацию республик право вносить изменения в свое законодательство и пересматривать его, им, однако, запретили издавать законы, имеющие обратное действие, а также жаловать дворянские титулы.

Принцип независимости штатов стал преобладающим при формировании сената, а принцип народовластия — при образовании палаты представителей. Каждый штат имеет право направлять в конгресс двух сенаторов и определенное число членов палаты представителей, пропорциональное численности населения данного штата. Цель федеральной конституции состояла не в уничтожении штатов как самостоятельных единиц, а лишь в ограничении этой самостоятельности.

Сенат отличается от палаты представителей не только самим принципом представительства, но также и порядком избрания, продолжительностью срока полномочий сенаторов и сущностью самих полномочий. Палата представителей избирается народом, сенат — законодательным собранием штата. Палата представителей формируется в результате прямых выборов, сенаторы избираются в два тура. Срок полномочий членов палаты представителей — всего лишь два года, сенаторы получают свои мандаты на шесть лет. Верховная власть в Соединенных Штатах поделена между

Союзом и штатами, тогда как во Франции она едина и неделима. В этом я вижу первое и самое существенное различие между президентом Соединенных Штатов и королем Франции.

Стремление иметь главу государства с широкими и сильными полномочиями и одновременно желание избирать его являются, на мой взгляд, совершенно несовместимыми. После избрания нового главы государства во внутренней и внешней политике страны почти всегда ощущается нестабильность. В этом заключается один из основных пороков системы выборности.

Правильно ли поступили законодатели Соединенных Штатов, допустившие возможность переизбрания президента? Наблюдая за повседневными делами Соединенных Штатов, нельзя не заметить, что желание быть вновь избранным властвует над всеми помыслами президента; что политика его администрации направлена на это; что его любые, даже самые незначительные действия подчинены этой цели; что особенно по мере приближения критического момента личные интересы полностью вытесняют из его сознания интересы государства. Таким образом, принцип переизбрания президента делает пагубное влияние выборных правительств еще более глубоким и еще более опасным. Это сопровождается также упадком политической морали нации и приводит к замене патриотизма ловкачеством.

Чтобы заставить своих граждан повиноваться законам или же чтобы устранить саму возможность нападков на эти законы, федерации потребовались суды. Без всякого сомнения, для обеспечения безопасности каждого, как и для гарантии свободы всех, весьма важным является отделение судебной власти от всех прочих властей. Вся судебная власть Союза была сосредоточена в руках одного суда, названного Верховным судом Соединенных Штатов. Члены Верховного суда не подлежали избранию ни народом, ни законодательной властью; их назначал сам президент Соединенных Штатов после того, как свое мнение по каждой кандидатуре высказал сенат. Чтобы обеспечить независимость членов Верховного суда от всякой другой власти, эту должность сделали пожизненной.

Целью создания федерального суда было запретить судам отдельных штатов по своему усмотрению принимать решения по делам, имеющим общенациональное значение, и добиться образования такого органа правосудия, который мог бы толковать законы Союза. Это был самый грозный удар, который когда-либо наносился верховной власти штатов. В результате этого она оказалась ограниченной не только самими законами, но также и их толкованием.

Существованию демократии угрожают две основные опасности. Первая заключается в полном подчинении законодательной власти волеизъявлениям массы избирателей. Вторая состоит в концентрации в законодательных органах всех прочих видов правительственной власти. Законодатели штатов способствовали возрастанию этих опасностей. Законодатели же Союза сделали все, что было в их силах, чтобы они стали менее угрожающими.

В крупных странах с централизованной властью законодатель вынужден придавать законам единообразный характер, который не отражает разнообразия местных условий и обычаев: не будучи осведомлен в частности, он может исходить лишь из самых общих правил. Подобных несуррициц не существует в странах с федеративным устройством: конгресс принимает основные законы, регулирующие жизнь общества, а местные законодатели занимаются ею в деталях. Среди пороков, свойственных любой федеративной системе, самым явным является сложность используемых в ее рамках средств. При такой системе неизбежно возникают две верховные власти.

Обычно сознанием людей овладевают лишь самые доступные идеи. Ложная, но ясно и точно выраженная идея всегда больше завладеет миром, нежели идея верная, но сложная. Второй и наиболее губительный из всех пороков, который я считаю присущим самой федеративной системе государственного устройства, состоит в относительной слабости правительства Союза.

Раздробленная верховная власть всегда будет более слабой, нежели целостная. Большая удача для Соединенных Штатов состоит не в том, что они выработали такую федеральную конституцию, благодаря которой они могут выдерживать большие войны, а в том, что их расположение позволяет им не опасаться какой-либо угрозы извне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава II. О партиях в Соединенных Штатах

Когда граждан страны разъединяют разные взгляды на проблемы, интересующие в равной степени все регионы страны, такие, как, например, общие принципы государственного правления, тогда и рождаются группировки, которые я называю собственно партиями. Партии — это зло, свойственное демократическому правлению.

Когда закончилась Война за независимость сформировались две точки зрения. Одна часть нации хотела ограничить власть народа, другая — беспредельно расширить ее. Партия, которая была за ограничение власти народа, стремилась закрепить положения своего учения в конституции Союза. Она получила название [федералистской партии](#). Другая партия, проявлявшая особую склонность к свободе, стала называться [республиканской](#).

Федералисты в течение 10–12 лет находились у власти. В 1801 году республиканцы наконец взяли власть в свои руки. Президентом был избран Томас Джефферсон. Федералисты, поняв, что они побеждены, что их не поддерживают, что нация отвернулась от них, перестали существовать как партия. В настоящее время в Соединенных Штатах Америки нет крупных политических партий (напоминаю, что речь о 1830-х гг.; современные демократическая и республиканская партии набрали силу позже. — *Прим. Багузина*).

Когда демократическая партия добилась преимущества, общество стало свидетелем того, как она завладела исключительным правом руководить государственными делами. И сегодня можно сказать, что в Соединенных Штатах классы богатых людей почти полностью находятся вне политических дел, и богатство не только не дает права на власть, но является реальной причиной немилости и препятствием на пути к власти.

Глава III. О свободе печати в Соединенных Штатах

Я не испытываю к свободе печати полной любви. Если бы кто-нибудь показал мне промежуточную позицию между полной независимостью мысли и полным ее порабощением, где я мог бы надеяться удержаться, я бы, возможно, там разместился; но кто откроет эту промежуточную позицию? Вы исходите из разнузданности печати и далее следуете определенному порядку. Что вы делаете? Прежде всего вы напускаете на писателей суд присяжных, но суд присяжных их оправдывает, и то, что было мнением только одного человека, становится мнением всей страны.

Тогда вы отдаете авторов в руки судебных чиновников; но судьи, прежде чем осудить, должны выслушать; и то, в чем было страшно признаться в книге, безнаказанно провозглашается в защитительной речи; то, о чем смутно было сказано в одном написанном тексте, теперь повторяется в тысяче других.

Цензура и всеобщее голосование противоречат друг другу. В Америке, как и во Франции, пресса является той необыкновенной силой, где странным образом перемешано хорошее и плохое, без которой свобода не сумела бы выжить и из-за которой порядок с трудом удерживается. Чтобы получить неоценимые блага, которые обеспечивает свобода печати, нужно уметь принять и то зло, которое рождается вместе с ней.

В Соединенных Штатах сила прессы незначительна. Количество периодических изданий превосходит все ожидания. Наиболее просвещенные американцы относят маловластие прессы за счет невероятного рассредоточения ее сил. Единственное средство нейтрализовать влияние газет — это увеличить их количество.

В Америке журналистский стиль — грубо, беззастенчиво, не подыскивая выражений, обрушится на свою жертву, оставив в стороне всякие принципы, давить на слабое место, ставя перед собой единственную цель — подловить человека, а далее преследовать его в личной жизни, обнажая его слабости и пороки. Должно сожалеть о подобных злоупотреблениях. Когда большое число печатных изданий начинает действовать в одном направлении, их влияние на долгое время становится преобладающим, и общественное мнение, обрабатываемое все время с одной стороны, в конце концов поддается их воздействию.

Глава IV. О политических объединениях в Соединенных Штатах

Всемогущество большинства мне представляется столь угрожающим для американских республик, что средство, используемое для ограничения его всевластия, я рассматриваю как благо.

Политические объединения, способные пресекать деспотизм партий или произвол правителя, особенно необходимы в странах с демократическим режимом. Я не вижу другого средства, которое могло бы служить препятствием для тирании.

В этой столь опасной свободе заложены и положительные гарантии: в странах, где есть свобода ассоциаций, нет тайных обществ. В Америке, например, есть мятежники, но нет заговорщиков. В Америке члены объединения, составляющие меньшинство, прежде всего хотят знать, сколько их, ибо их первая цель — ослабить моральное воздействие большинства. Вторая цель, которую они ставят перед собой, — это выявить все возможности, которые могут быть использованы, чтобы оказать давление на большинство, так как их конечная цель, на осуществление которой они твердо надеются, — привлечь на свою сторону большинство и таким образом оказаться у власти.

В Европе средства, которыми пользуются политические организации, соответствуют той цели, которую они ставят перед собой. Основная цель этих организаций — действовать, а не рассуждать, бороться, а не убеждать. Естественно, в результате они пришли к такому типу организации, которая никак не похожа на гражданскую.

Глава V. О демократическом правительстве в Америке

В Европе многие верят или говорят, что верят, что одним из главных преимуществ всеобщего избирательного права является возможность привлечь к управлению государством людей, достойных доверия народа. В Америке я сделал поразившее меня открытие: как много достойных людей среди тех, кем управляют, и как мало их среди тех, кто управляет.

В Соединенных Штатах народные массы не испытывают никакой ненависти к высшим классам общества, но и особой благосклонности к ним они также не питают и старательно удерживают их от проникновения в правящие органы; не страх испытывают они перед талантливыми людьми, но они их плохо переносят. Все, что оказывается успешным без прямого участия в этом народа, с трудом обретает его поддержку.

В Соединенных Штатах государственные чиновники ничем не выделяются среди других граждан страны. Не могу себе представить никого, кто бы действовал так спокойно, был бы так для всех доступен, так внимателен к просьбам и так учтиво отвечал бы на ваши вопросы, как американские государственные чиновники. Никакие государственные службы в Соединенных Штатах не имеют специальной формы, но все государственные служащие получают жалованье.

Государственные налоги при демократическом правлении в Америке. Представьте себе, что только класс богатых будет заниматься составлением законов: вероятно, он будет мало озабочен экономией государственных средств. Поскольку налог, которым облагается большое состояние, изымает лишь излишек и поэтому он малочувствителен для представителей этого класса. Правительство средних классов, мне кажется, должно быть самым экономным. Если большая часть тех, кто принимает законы, не имеет собственности, которая облагается налогом, умело находят способ принять такой налог, которым бы облагались только богатые и который приносил бы выгоду бедным.

Демократическое правительство — это единственное правительство, где тот, кто принимает законы о налогах, может избежать их уплаты. Мне возразят, говоря: а кто, собственно, предполагал поручать составление законов бедным, без участия других? Кто? Те, кто ввел закон о всеобщем избирательном праве. А бедные всегда составляют большинство. Всеобщее избирательное право, таким образом, реально дает обществу правительство для бедных. Из всего этого следует, что, как правило, государственные расходы увеличиваются с развитием цивилизации, а налоги повышаются по мере распространения просвещения.

Демократическое правительство Америки нельзя назвать дешевым, как это порою утверждается. Более того, я предполагаю, что серьезные трудности однажды лягут на плечи народов Соединенных Штатов, налоги там достигнут того же уровня, что и в европейских странах. В аристократических правительствах государственными делами занимаются люди состоятельные, которых на государственный пост приводит лишь стремление к власти. В демократических правительствах государственные деятели — это бедные люди, и им только предстоит нажить свое состояние. Из

этого следует, что в аристократических государствах правители практически недоступны для коррупции и весьма умеренно относятся к деньгам; совершенно обратное происходит в демократических странах. Если государственные деятели аристократического правительства иногда готовы подкупить других, то руководители демократического правительства сами оказываются подкупленными.

В Америке нет воинской повинности, в армию нанимают солдат за деньги. Обязательная служба в армии так противоречит идеям и так чужда привычкам американского народа, что я сомневаюсь, что в этой стране когда-нибудь осмелятся провести такой закон. Существование во Франции обязательного призыва на военную службу — это одна из самых тяжелых повинностей. Но без этого как могла бы она вести длительную войну на континенте?

Эта слабая сторона демократических республик, особенно заметная в периоды кризисов, возможно, представляет собой самое большое препятствие на пути возникновения подобной республики в Европе. Дело в том, что для нормального существования демократической республики в одной из европейских стран нужно, чтобы она была установлена одновременно и во всех других.

О том, как американская демократия проводит внешнюю политику. Джордж Вашингтон писал: «Завязать торговые отношения с зарубежными народами и установить, как можно меньшие политические связи между ними и нами — таким должно быть правило нашей политики». Сущность истинной политики для нас состоит в том, чтобы не вступать в постоянный союз ни с одним зарубежным государством. Вашингтон обосновал тезис, согласно которому американцы заинтересованы никогда не принимать участия во внутренних распрях Европы. Джефферсон пошел дальше и ввел в политику Союза еще одно правило, гласившее: «Американцы никогда не должны просить у чужеземных наций преимущественных прав для себя, чтобы не быть обязанными предоставлять аналогичные права другим». Я считаю, что в области государственной внешней политики демократические правительства слабее в сравнении с другими.

Глава VI. Реальные преимущества демократической формы правления для американского общества

В целом можно сказать, что демократическое законодательство несет больше блага человечеству, чем аристократическое. Однако это его единственное преимущество. Аристократия значительно более умело пользуется законодательством, чем демократия. Она хорошо владеет собой, ей незнакомы мимолетные увлечения, она тщательно вынашивает свои замыслы и умеет дожидаться благоприятного случая для их воплощения. Она действует со знанием дела и умеет в определенный момент мастерски направить совокупную силу своих законов на единую цель. О демократии этого сказать нельзя: ее законы почти всегда несовершенны или несвоевременны. Следовательно, средства, используемые демократией, менее совершенны, чем те, которые использует аристократия, и она часто против своей воли действует себе во вред, но ее цели благородны.

Люди, ныне живущие в Соединенных Штатах, прибыли туда недавно, они не принесли с собой ни прежних обычаев, ни воспоминаний, они встречаются там впервые и плохо знают друг друга. Почему же каждый из них интересуется делами общины, округа и всего государства, как своими собственными? Только потому, что каждый из них по-своему принимает активное участие в управлении обществом. Понятие о правах позволило людям определить, что есть вседозволенность и произвол. Оно помогает им быть независимыми без высокомерия и подчиняться, не унижаясь. Когда из свободной страны приезжаешь в страну, лишенную свободы, то видишь необычайную картину: в первой стране все действует и движется, во второй — все спокойно и неподвижно.

Глава VII. О всевластии большинства в Соединенных Штатах и о его последствиях

Всесилие большинства в Америке усиливает непоследовательность в законодательстве и управлении, свойственную всем демократическим государствам. Поэтому в современной Америке законы живут недолго. За тридцать лет своего существования американские конституции претерпели не одно изменение. Нет ни одного штата, который бы не внес изменений в свой основной закон в течение этого периода.

Верховная власть в обществе всегда должна опираться на какие-либо определенные принципы, однако если при этом она не встречает на своем пути никаких препятствий, которые могли бы сдержать ее действия и дать ей возможность самой умерить свои порывы, то свобода подвергается

серьезной опасности. Что мне больше всего не нравится в Америке, так это отнюдь не крайняя степень царящей там свободы, а отсутствие гарантий против произвола.

Мышление обладает невидимой и неуловимой силой, способной противостоять любой тирании. В наши дни монархи, располагающие самой неограниченной властью, не могут помешать распространению в своих государствах и даже при своих дворах некоторых враждебных им идей. В Америке же дело обстоит иначе: до тех пор, пока большинство не имеет единого мнения по какому-либо вопросу, он обсуждается. Но как только оно высказывает окончательное суждение, все замолкают и создается впечатление, что все, и сторонники, и противники, разделяют его.

У самых гордых народов старого мира публиковались книги, описывавшие пороки и смешные стороны современников. Лабрюйер писал свою главу о вельможах, живя во дворце Людовика XIV, Мольер критиковал двор и разыгрывал свои пьесы перед придворными. Но сила, которая господствует в Соединенных Штатах, вовсе не желает, чтобы ее выставляли на смех. Ее оскорбляет самый мягкий упрек, пугает правда с малейшим оттенком колкости. Именно поэтому в Америке до сих пор нет великих писателей. Гениальным литераторам необходима свобода духа, а в Америке ее не существует.

Всесилие большинства таит в себе самую большую опасность для американских республик.

Президент Джеймс Мэдисон: «В республиках очень важно не только защищать общество от угнетения правителей, но также предохранять одну часть общества от несправедливости другой его части. Справедливость — вот цель, к которой должно стремиться любое правительство».

Глава VIII. Что сдерживает тиранию большинства в Соединенных Штатах

Сословие служителей закона — единственное аристократическое сословие, которое без усилий может влиться в демократию и соединиться с ней успешно и надолго. Республика может надеяться сохранить себя, если влияние, оказываемое законооведами, будет возрастать пропорционально утверждению власти народа. Аристократические черты сословия законоведов гораздо сильнее выражены в Соединенных Штатах и Англии, чем в какой-либо другой стране. И в Англии, и в Америке сохраняется законодательство, опирающееся на прецеденты.

Законы, которые сегодня существуют во Франции, часто трудны для понимания, но каждый может их прочитать, и, наоборот, нет ничего менее понятного и менее доступного для простого человека, чем законодательство, основанное на прецедентах. Потребность в служителях закона в Англии и в Соединенных Штатах, высокое мнение об их образованности все более отделяют их от народа, и в конце концов они образуют отдельный класс.

Суд присяжных в Соединенных Штатах как политическое учреждение. Суд присяжных был учрежден в малоразвитом обществе, где на его решение выносились лишь несложные вопросы, касающиеся голых фактов; привести его в соответствие с требованиями высокоразвитого общества — задача нелегкая, ибо общество выросло интеллектуально и духовно и взаимоотношения людей значительно усложнились. Однако оставим эту тему. Ибо рассмотрение суда присяжных только как судебного органа очень сузило бы его значение. Оказывая огромное влияние на ход судебного процесса, он еще большее влияние оказывает на судьбу самого общества. Таким образом суд присяжных — это прежде всего политический институт.

Суд присяжных в том виде, в каком он существует в Америке, представляет собой такое же прямое и крайнее следствие принципа народовластия, как и всеобщее избирательное право. И то и другое с одинаковой силой служит всевластию большинства. Суд присяжных представляет собой прежде всего политическое учреждение, его надо рассматривать как одну из форм суверенной власти народа. Для того чтобы управление обществом было устойчивым и единообразным, необходимо, чтобы изменение в списках избирателей влекли за собой изменения в списках присяжных. До тех пор, пока деятельность суда присяжных ограничена уголовными делами, он в опасности, но как только она распространяется на гражданские дела, ему не страшны ни время, ни усилия людей. Суд присяжных, и особенно суд присяжных по гражданским делам, отчасти прививает всем гражданам образ мыслей, свойственный образу мыслей судей, а ведь именно это наилучшим образом подготавливает людей к свободной жизни.

Глава IX. Об основных причинах, способствующих существованию демократической республики в Соединенных Штатах

Все причины, способствующие поддержанию демократической республики в Соединенных Штатах, можно свести к трем: особое положение, в которое американцы попали волей случая и Провидения; законы; обычаи и нравы. У Союза нет соседей. Америка — пустынная страна. Это обстоятельство является мощным фактором поддержания демократической республики. Что касается законов, то три основные причины способствуют поддержанию демократической республики в Новом Свете: федеральная структура, существование общинных учреждений, судебная власть.

Можно предположить, что некоторые американцы веруют в Бога более по привычке, чем по убеждению. Ведь в Соединенных Штатах глава государства — верующий и, следовательно, вера, даже если она лицемерна, обязательна для всех. Однако Америка остается той частью света, где христианская религия в наибольшей степени сохранила подлинную власть над душами людей. И эта страна, где религия оказывает в наши дни наибольшее влияние, является в то же время самой просвещенной и свободной. Невозможно убедительнее доказать, насколько религия полезна и естественна для человека. В то же время, если закон позволяет американскому народу делать все, что ему заблагорассудится, то религия ставит заслон многим его замыслам и дерзаниям.

Статья конституции штата Нью-Йорк гласит: «Поскольку призванием священников является служение Богу и забота о наставлении души, их не следует отвлекать от выполнения этих важных обязанностей; в связи с этим ни один пастор или священник, к какой бы секте он ни принадлежал, не может быть назначен ни на какую государственную, общественную или военную должность».

До тех пор, пока религия черпает свою силу в чувствах, инстинктах и страстях, которые возрождаются без изменений во все исторические эпохи, она может не страшиться времени или по крайней мере ее может победить только новая религия. Но когда религия стремится найти опору в интересах этого мира, она становится почти такой же уязвимой, как и все земные силы. Будучи одна, она может надеяться на бессмертие. Если же она связана с недолговечной властью, она разделяет ее судьбу и зачастую гибнет вместе с преходящими страстями, на которые она опирается.

Союз с политическими силами слишком обременителен для религии. Она не нуждается в их помощи, чтобы выжить, а служба им может привести ее к гибели. Если бы американцы не позаботились об отделении религии от политики, какое место она смогла бы занять среди постоянно меняющихся мнений людей?

Европейские атеисты рассматривают верующих, скорее, как политических врагов, нежели как религиозных противников. Религия ненавистна им в значительно большей степени как мировоззрение партии, нежели как несправедливая вера. Священника они отвергают скорее не как представителя Бога, а как сторонника власти. Христианство в Европе позволило втянуть себя в тесный союз с земными властителями. Сегодня, когда их власть рушится, христианство оказывается, как бы, погребенным под их обломками. Это живой организм, который оказался связанным с мертвецами, но стоит лишь разорвать пути, сдерживающие его, и он возродится.

Тому, кто хочет понять, в каком состоянии находится просвещение англо-американцев, следует рассмотреть этот вопрос с двух сторон. Если он будет интересоваться только учеными, то будет удивлен их малочисленностью; если же он станет искать невежественных людей, то американский народ покажется ему самым просвещенным на земле.

Природные условия не приводят к схожим результатам в Южной и Северной Америке. Следовательно, природные условия не так сильно влияют на судьбы народов, как полагают некоторые (см. [Джаред Даймонд. Ружья, микробы и сталь](#)). Я вижу у других американских народов те же условия для процветания, что и у англо-американцев, за исключением их законов и их нравов, и эти народы прозябают. Следовательно, законы и нравы англо-американцев являются главной причиной их величия. Я убежден, что самое удачное географическое положение и самые хорошие законы не могут обеспечить существование конституции вопреки господствующим нравам, в то время как благодаря нравам можно извлечь пользу даже из самых неблагоприятных географических условий и самых скверных законов. Нравы имеют особое значение — вот тот неизменный вывод, к которому постоянно приводят исследования и опыт. Нравы и законы, созданные американцами, не

являются единственно возможными в демократическом обществе, но американцы показали, что установление демократии с помощью законов и нравов — не безнадежное дело.

Значение вышесказанного для Европы. Нелегко привлечь народ к управлению, еще труднее позволить ему накопить опыт и воспитать у него те чувства, которых ему недостает, чтобы делать это хорошо. Слов нет, желания демократии изменчивы, ее представители грубы, законы несовершенны. Однако, если на самом деле вскоре не будет существовать никакой середины между господством демократии и игом одного человека, разве не должны мы всеми силами стремиться к первой, вместо того чтобы добровольно подчиняться второму? И если в конце концов мы придем к полному равенству, разве не лучше быть уравненными свободой, чем деспотизмом?

Глава X. Некоторые соображения по поводу современного состояния и возможного будущего трех рас, населяющих территорию Соединенных Штатов

С какой бы стороны мы ни рассматривали судьбу североамериканских аборигенов, мы повсюду увидим неразрешимые проблемы: если они ведут дикий образ жизни, белые, продвигаясь вперед, гонят их все дальше; если они хотят приобщиться к цивилизации, соприкосновение с людьми более высокого уровня культуры приводит их к угнетению и нищете. Ведут ли они кочевую жизнь в пустыне, переходят ли к оседлой жизни — все равно их ждет гибель.

Присутствие чернокожих в Соединенных Штатах способно породить там в будущем самые страшные беды. В древнем мире хозяин и раб принадлежали к одной расе. Их разделяла только свобода одного и несвобода другого. Получив свободу, рабы быстро смешивались с хозяевами. В современном обществе раб отличается от хозяина не только своей несвободой, но и своим происхождением. Негра можно освободить, но от этого он не перестанет быть совершенно чужим для европейца.

Сейчас в некоторых частях Соединенных Штатов начинают отменяться законы, разделяющие две расы. Однако нравы остаются неизменными. Рабство отступает, но предрассудки, которые оно породило, сохраняются. Разве в той части Союза, где негры стали свободными людьми, они сблизилась с белыми? Нет сомнения, что любой человек, побывавший в Соединенных Штатах, заметил нечто противоположное.

В Америке так же, как и повсюду в мире, рабство зародилось на Юге. Оттуда оно постепенно распространялось по стране. Однако, чем дальше на Север, тем меньшим было количество рабов. Шло время. Американцы от берегов Атлантического океана с каждым днем проникали все дальше в западную глушь. И несмотря на такое разнообразие обстоятельств, всюду повторялось одно и то же: колонии, в которых не существовало рабства, становились населеннее и богаче, чем те, где оно существовало.

Влияние рабства проявляется и в другом: оно оставляет глубокий след в душах хозяев, придавая определенную направленность их мыслям и склонностям. Сегодня только на Севере есть корабли, промышленные предприятия, железные дороги и каналы. В 1830 году жители Соединенных Штатов обеих рас распределялись следующим образом: в штатах, где рабство отменено, белых было 6 565 434, а черных — 120 520; в штатах, где рабство существует, белых — 3 960 814, а черных — 2 208 102 человека.

Я не верю в то, что между белой и черной расами где-либо установится равенство. Вот что можно прочесть в «Воспоминаниях» Джефферсона: «Нет ничего, что было бы написано в книге судеб яснее, чем освобождение чернокожих. В то же время, когда обе расы будут свободными, они не смогут жить в одном государстве, так как природа, привычки и убеждения воздвигли между ними непреодолимые преграды».

Я вижу лишь два пути для живущего там белого населения: либо освободить негров и смешаться с ними, либо держать их на расстоянии и как можно дольше не отменять рабства. Жители Юга придерживаются такой же точки зрения, и этим объясняется их поведение. Поскольку они не хотят смешиваться с неграми, они не хотят освобождать их. Это не значит, что все южане считают, будто бы рабство обеспечивает богатство рабовладельцу. В этом отношении многие из них придерживаются той же точки зрения, что и северяне, и охотно соглашаются с тем, что рабство — это зло. Однако они думают, что для того, чтобы можно было жить, это зло должно быть сохранено.

Впрочем, какие бы усилия ни прикладывали южане для того, чтобы сохранить рабство, им это не удастся. Теснящееся в одной точке земного шара, несправедливое с точки зрения христианства, пагубное с точки зрения экономической политики, рабство, сохраняющееся в окружении демократической свободы и современного просвещения, не может существовать долго. Оно падет под ударами рабов или по воле хозяев. И в том и в другом случае следует ожидать глубоких потрясений.

Угроза существованию американского Союза заключается не в многообразии убеждений или интересов, а в различии характеров и страстей американцев. Хотя почти все обитатели огромной территории Соединенных Штатов являются выходцами из одной страны, со временем из-за климата и в еще большей степени из-за рабства в характере англичан с Юга появились черты, сильно отличающие их от англичан с Севера.

Если мои впечатления верны, федеральное правительство Соединенных Штатов с каждым днем теряет власть. Все хотят, чтобы Союз существовал, но это существование должно быть призрачным. Союз должен быть сильным лишь в некоторых, определенных случаях и слабым во всех остальных. Считается, что в случае войны он сможет объединить силы и ресурсы страны, а в мирное время его власть почти не должна ощущаться. Однако трудно себе представить возможность такого чередования силы и слабости.

В настоящее время в мире существуют два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся, как представляется, к единой цели. Это русские и англо-американцы. Оба эти народа появились на сцене неожиданно. В Америке для достижения целей полагаются на личный интерес и дают полный простор силе и разуму человека. Что касается России, то можно сказать, что там вся сила общества сосредоточена в руках одного человека. В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России — рабство. У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира.